

”ПОЭМА ЖИЗНИ — ЖИЗНЬ САМА!”

ОЛЬГА ШЕЛЯПИНА

Заметки об Игоре Северянине и его окружении

Игорь Северянин (Игорь Васильевич Лотарев) прожил бурную, насыщенную, полную контрастов жизнь.

Детство его прошло в Петербурге, на Гороховой улице, в богатой столичной квартире, и было вполне благополучным. Мать, Наталия Степановна, из дворянского рода Шеншиных, была замужем за генералом Домонтовичем и имела дочь Зою, но рано овдовела. Брак ее со штабс-капитаном Василием Петровичем Лотаревым оказался менее счастливым. В автобиографической поэме ”Роса оранжевого часа” (1925) Северянин так писал об отце:

Великолепнейший лингвист,
И образован, и воспитан,
Он был умен, он был начитан.

Но в душе его бродил ”русский бес”, он любил развлечения, мало уделял внимания семье.

Наталия Степановна обожала и баловала сына, окружила его гувернантками, прислугой, рос он своевольным и капризным ребенком.

Совать мне пробовали бонн,
Француженок и англичанок,
Но с ними я такой брал тон...
Что бонны сыпались картечью
Со всей своей картавой речью,
Ладони к небесам воздев...

И только Клавдия Романовна, гувернантка сестры Зои, заслужила расположение Игоря и стала его учить.

В памяти мальчика сохранилось много дачных мест в пригородах Петербурга, где они с матерью жили летом:

Мелькали девять лет, как строфы
В романе, наших дач ряды —
Все эти Стрельны, Петергофы,
Их павильоны и пруды...

Но скоро пришел конец беспечной жизни Игоря. Родители разошлись, отец вышел в отставку и, увидев, что сын ”избаловался, разленился, отбился попросту от рук”, отнял его у матери и увез в деревню, в Новгородскую губернию, где жила его сестра Елизавета Петровна. Она была замужем за шуйским купцом А. Р. Журовым и владела вместе с ним землей в Череповецком уезде. Там же имел землю и лес ее брат, Михаил Петрович Лотарев.

На реке Суде, во Владимировке, в 1899 году был построен дом, о котором Северянин писал: ”Лиловый дом на берегу высокий, вокруг — глухие хвойные леса”. Его владельцем был М. П. Лотарев, дядя поэта. Дом сохранился до наших дней, передан Череповецкому краеведческому музею и будет восстановлен в таком виде, каким был при жизни Северянина, с окружающими его постройками, парком, цветником.

На череповецкой земле Игорь Лотарев провел около семи лет, с 1896 по 1903 год. Этот период, очень важный в его жизни, слабо освещен в литературе, поэтому необходимо остановиться на нем более подробно.

Итак, девятилетний Игорь Лотарев, избалованный маменькин сынок (”О, кто на свете мягче мамы? Ее душа — прекрасный храм!”), выросший среди роскоши и комфорта, попал в деревенскую глушь и впервые столкнулся с провинциальным бытом, где на каждом шагу его ждали ”волшебные

сюрпризы”. Конечно, он тосковал по матери, назусть выучивал ее письма, но... довольно быстро привык к новой обстановке, к свободе, которую никто не стеснял.

Уже через месяц он ”шалил среди веселой двора”, бывал в конюшне, на гумне, ”смотрел на девы хороходы, кормил доверчивых цыплят”.

Но больше всего его поразила природа здешних мест: ”Леса дремучие верст на сто, снега с корою синей наста”, ранняя весна, которую он называет голубой Снегуркой, хрупкой и больной, и поет ей гимн:

Я окажусь совсем бездарью,
Коль в строфах не осветозарю
И пламенем не воспую
Весну полярную свою!

Весна становится с этих пор любимейшим временем года у поэта и едва ли не центральным образом его лирики (”Весенний день”, ”Весенняя яблоня”, ”Прохладная весна”, ”Весенние триолеты”, ”Весенние рондели”, ”Музей моей весны”, ”Накануне весны” и т. д.).

”Захлебывался я в природе” — так И. Северянин определил свое тогдашнее состояние. Северная природа, река Суда органично вошли в его творчество, стали источником его вдохновения. Как только не называл он Суду: голубая, лазурная, родная, неизменяемая, царица Суда, — и вспоминал о ней до конца своей жизни: ”Как я хочу к тебе отсюда // В твои одебранные сны”.

В 1897 году Василий Петрович определил сына в Череповецкое реальное училище, единственное учебное заведение, в котором учился будущий поэт и которое так и не закончил.

В автобиографической справке Северянин писал: ”Образование получил в Череповецком реальном училище. Лучшее воспоминание: директор князь Б. А. Тенишев, добрый, веселый, остроумный”.

О положении дел в училище той поры, когда в нем учился Игорь Лотарев, мы можем судить по докладной записке самого Б. А. Тенишева в адрес попечителя Санкт-Петербургского учебного округа от 31 июля 1900 года (ЦГИА г. Ленинграда, ф. 139, ед. хр. 8874).

Автор записки отмечает низкий уровень знаний учащихся, особенно по французскому языку и русской словесности, что объясняет недостатком педагогических способностей у учителей, ведущих эти предметы.

Но были и талантливые учителя, среди них и сам Б. А. Тенишев, преподававший физику, математику и французский язык. По окончании курса в Петербургском университете по физико-математическому факультету (1884) Тенишев преподавал в Иркутской учительской семинарии, в Симбирской гимназии, был директором Кременчугского реального училища. С 1899 по 1906 год занимал должность директора Череповецкого реального училища, многое сделал для повышения качества учебной и воспитательной работы, большое внимание уделял гуманитарному развитию своих воспитанников: было организовано литературное общество, получившее название ”тенишевского”, регулярно проводились литературные и музыкальные вечера, созданы два оркестра, духовой и струнный. Последним руководил Ф. Н. Лаговский, энтузиаст музыкального образования, создатель сборника народных песен (1877), вошедшего в золотой фонд русской фольклористики.

Игорь Лотарев был очень близок к Тенишеву, жил у него на квартире (”я прожил три зимы в ре-

альном”), встречался с ним, а позднее, в Петербурге, когда стал известным поэтом, посвятил ему стихотворение, вошедшее в сборник ”Соловей” (1923).

В нем он с большой теплотой вспоминает о своем наставнике, о тех временах, когда учился в Череповце:

Мне сразу вспомнились и школа,
И детство, и с природой связь,
И Вы, мой добрый, мой веселый,
Мой остроумный, милый князь!

Школа, в которой учили ”всему и ничему”, мало дала будущему поэту. Главное место в программе реального училища занимали математика, черчение, физика, которые его не интересовали, ибо он был влюблен в литературу (”читал, что только мог прочесть”) и искал повод, чтобы не посещать занятия.

Были ли у Игоря друзья в реальном училище? Установить это трудно, так как материалов, относящихся к его отрочеству, почти не сохранилось. В ”Росе оранжевого часа” он упоминает лишь Алешу, ”сверстника-князька”, сына Б. А. Тенишева.

Имеются краткие воспоминания бывшего реалиста Петра Смирнова, который встречался с Игорем у своего двоюродного брата Николая Бахметьева, его одноклассника и друга, и рассказывал некоторые подробности из жизни реалистов. Мы узнаем, что Игорь в эти годы был хорошо обеспечен (у него всегда водились карманные деньги), что он был выше своих сверстников по развитию, легко сочинял стихи.

Последнее отмечает и Лидия Лотарева, двоюродная сестра поэта: ”Игорь-реалист в форме. Уже в те времена писал стихи... они были полны виконтами, баронессами, описанием красот природы и жизни”.

Много времени в годы ученичества Игорь проводил на любимой Суде, в семье своего дяди. Глава семьи, Михаил Петрович, инженер-технолог по образованию, большую часть жизни был связан с текстильной промышленностью: служил директором бумагопрядильных и ткацких фабрик России. Будучи человеком интеллигентным и гуманным, он заботился об улучшении условий труда рабочих и заслужил о себе добрую память. Женился он на дочери владельца текстильной фабрики в Москве Екатерине Николаевне Ильвовской, воспитаннице Института благородных девиц. Брак этот был счастливым, в семье росли три дочери и три сына, с которыми дружил Игорь.

Дом Лотаревых был необычайно гостеприимным. Сюда съезжались не только родственники, но и знакомые, друзья. Молодежь увлекалась литературой, искусством, устраивала пикники, любительские спектакли, катанья на лодках, рыбалку, ставшую для Северянина любимейшим занятием до конца жизни.

В моей благословенной Суде
В ту пору много разных рыб.
Я, постоянно рыбу удя,
Знал каждый берега изгиб...

Во Владимирове поэт пережил одно из своих ранних увлечений — ”любовь двенадцатой весны” к кузине Лиле. Елизавета Михайловна Лотарева (1882—1955) была старше Игоря на пять лет и хороша собой. В поэме ”Роса оранжевого часа” ей посвящено несколько восторженных строк: ”Тебе, о лильчатая Лиля, // восторга пламенный поток!” Поэт отмечает ее ”каштановые кудри”, ”гибкий торс”, голос, исполненный мелодий:

В нем — смех, ирония, печаль.

Лиля относилась к Игорю дружески, а он ревниво наблюдал за ней и заметил, что она нежнее, чем с другими, с Виктором Журовым ("сын тети Лизы, Виктор Журов, мой и моей Лилит кузен"). Они были однолетками (каждому по 17), держались вместе, "читали часто, или в лодке // катались вверх за пару верст".

Игорю суждено было присутствовать на свадьбе Лили в Серпухове, там Михаил Петрович "имел пост" директора ткацкой фабрики, а его помощник, инженер, и стал ее женихом. Поэт так передает свое тогдашнее состояние: "рыдал до спазм", "из пира чуть не сделал драму". Отец увез его на Дальний Восток, Игорю было тогда 16 лет, и впечатление от красот Урала, сибирской природы, Байкала ("пред ним склонен благовейно, // теряю краски и слова") отвлекли и успокоили его.

Что касается Елизаветы Михайловны ("лилие-сердная Лилит"), то она до конца жизни жила в Москве и сохранила много материалов об Игоре Северянине и семье Лотаревых.

Скажем еще, однако, о Викторе Журове. Судьба его примечательна и необычна. Его мать, тетка Северянина, Елизавета Петровна, мечтала о том, чтобы сын пошел по ее стопам, то есть стал купцом. Но он "отверг купеческий безмен" и поступил на юридический факультет Московского университета. Однако и юриста из него не вышло, потому что душой он был артист. Обладая красивым баритоном, он решил стать певцом, встретился и подружился с Л. В. Собиновым. Судя по письмам Леоныды Витальевича и воспоминаниям современников, они общались начиная с 1903 года в Москве, Милане, Киеве, а в 1910 и 1914 годах совершили совместные концертные туры по России, дав более 40 концертов в различных городах от Варшавы до Владивостока. В рецензии на один из концертов отмечался не только выдающийся талант Собинова, но и "звучный, благородный" баритон молодого певца Журова, в то время выступавшего уже под именем Витторио Андога.

Игорь Северянин в связи с этим писал:

О, мой Vittorio Andoga,
Не ты ль из Андоги возник?

Позднее Журов поселился в Италии и стал режиссером миланского театра Ла Скала.

С 1904 года начинается новый, самый важный этап в жизни Игоря Северянина: он возвращается в Петербург и активно включается в литературную жизнь, где его ждали и поражения, и победы, и подлинный триумф.

Признание пришло не сразу: сначала стихи его не замечали, хотя они издавались отдельными брошюрами начиная с 1905 года, а после того как Л. Н. Толстой в 1910 году отрицательно отозвался о стихотворении "Хабанера II" ("Вонзите штопор в упругость пробки..."), его "стали бранить все, кому не лень".

Первым, кто приветствовал появление Северянина в литературе и оценил его талант, был поэт К. М. Фофанов (1862—1911), имя его мало известно современному читателю, но в свое время он был очень популярен.

Встретились они 20 ноября 1907 года и быстро подружались, несмотря на разницу в возрасте, семейном положении: один был молод, свободен, полон сил, другой — стар, болен и обременен большой семьей, страдал от вечной нужды, от пристрастия к спиртному.

Фофанов не был первоклассным поэтом. Н. Гумилев справедливо называл его эпитоном "школы" Апухтина и Надсона, писавшим "о свете добра, о весне, о мае, соловьях и ландышах". Северянину была близка направленность поэзии Фофанова: лирическое отношение к природе, искренность. Дружба их длилась около четырех лет, в мае 1911 года Фофанов умер. Незадолго до смерти он написал такое четверостишие:

О Игорь, мой единственный,
Шатенный трубадур!
Люблю я твой таинственный,
Лирический ажур.

Северянин всю жизнь с благодарностью вспоминал своего старшего друга и наставника, писал о нем стихи, названия которых говорят сами за себя: "В защиту Фофанова" (1909), "Великому современнику" (1909), "На мотив Фофанова" (1911), "На смерть Фофанова" (1911), "К шестилетию смерти Фофанова" (1917), "Фофанов" (1926). Он считал его "гениальным поэтом" и советовал читателям:

Возьмите "Фофанова" в руки
И с ним идите в вешний сад.
Томленье ваше, скуку, муки
Его напевы исцелят.

Одно из лучших стихотворений Северянина, "Весенний день", посвящено "Дорогому К. М. Фофанову".

Осенью 1911 года Северянин получил письмо от В. Брюсова из Москвы и несколько его книг. "Не знаю, любите ли Вы мои стихи, — писал Брюсов, — но Ваши мне положительно нравятся". Между ними завязывается переписка, они пишут друг другу стихи, происходит и личное знакомство. Об отношениях с Брюсовым поэт рассказал позднее в своих воспоминаниях "Встречи с Брюсовым" (1927).

Брюсов был первым, кто попытался дать объективную оценку творчеству Северянина. Утверждая, что это истинный поэт, "лирик, тонко воспринимающий природу и весь мир... ироник, остро подмечающий вокруг себя смешное и низкое, художник, которому открылись тайны стиха...", он критикует его за недостаток знаний, за "неумение мыслить", за "мучительную пошлость" некоторых его стихов. И все же он восклицает: " — и скоро // у ног своих весь мир увидишь ты!"

Огромную роль в творческой судьбе И. Северянина сыграла встреча с Ф. К. Сологубом (1863—1927), известным русским поэтом и прозаиком, автором нашумевшего романа "Мелкий бес" (1907). "В 1912 году я познакомился с Федором Кузьмичом Сологубом, — писал поэт, — представившим меня петербургскому литературному миру на специальном вечере в своем салоне на Разъезжей. Он написал мне восторженный триолет ("Восходит новая звезда...") и не менее восторженное предисловие к моей первой книге — "Громокипящий кубок". Очарованный стихами молодого поэта, Сологуб проявил к нему отеческую заботу и пригласил в поездку по России (от Минска до Кутаиси), в которой участвовала жена Сологуба А. Н. Чеботаревская. Путешествие было очень интересным, о нем увлекательно рассказано в поэме Северянина "Колокола собора чувств" (1925).

Выход сборника "Громокипящий кубок" (1913) сделал имя Игоря Северянина известным всей России. Н. Гумилев в "Письмах о русской поэзии" писал, что это "культурное событие", что в книге звучит "юношески-звонкий и могучий голос настоящего поэта".

Конечно, как всегда, мнения разделились, но у читателей успех был ошеломляющим: сборник сразу разошелся, пришлось переиздавать снова и снова. В 1918 году вышло 10-е издание — такого не знала русская литература.

Огромным успехом пользовались поэтические концерты Игоря Северянина. Первые его публичные выступления состоялись в 1910 году, а затем начались поездки по России. Где только не выступал поэт: Петербург, Москва, Харьков, Тифлис, Одесса, Ростов-на-Дону, Курск, Тверь, Саратов, Минск, Псков и т. д. Его вечера собирали толпы поклонников и поклонниц, которые забрасывали своего любимца цветами. По словам Б. Пастернака, "Северянин повелевал концертными залами и делал... полные сборы с аншлагами. Он распевал свои стихи на два-три популярных мотива из французских опер, и это не впадало в пошлость и не оскорбляло слуха".

Поведение на сцене, манера исполнения произведений — все было необычно на вечерах И. Северянина. Вот как рассказывает об этом поэт Всеволод Рождественский: "Поэт появлялся на сцене в длинном, узком в талии сюртуке цвета воронова крыла. Держался он прямо, глядел в зал слегка свысока... Заложив руки за спину или скрестив их на груди... он начинал мертвенным голосом, все более и более нараспев... разматывать клубок необычных, по-своему ярких, но очень часто и безвкусных словосочетаний. Через минуту он всецело овладевал... вниманием публики".

Выступал он не всегда один, в 1918 году вместе с кубофутуристами В. Маяковским и Д. Бурлюком совершил турне по Крыму и участвовал с ними в поэтических вечерах.

Судьба, казалось, улыбалась Северянину: выходили одна за другой книги стихов ("Златолира" (1914), "Ананасы в шампанском" (1915), "Поэзоантракт" (1915), "Тост безответный" (1916)), в феврале 1918 года на поэтическом вечере в Политехническом му-

зее Игорь Северянин был провозглашен "Королем поэтов"...

...В марте 1918 года поэт выехал из голодного Петрограда в Прибалтику. После отделения Эстонии от России он оказался отрезанным от родины и провел на чужбине более 20 лет.

Эмигрантом, однако, он себя не считал.

Нет, я не беженец, и я не эмигрант...
Мне не в чем каяться, Россия, пред

тобой,

Не предавал тебя ни мыслью, ни душой.

Оторванный от друзей, от русской аудитории, Северянин чувствовал себя очень одиноким. Единственную радость доставляло творчество.

В эстонский период вышли его сборники: "Эстляндские поэмы", "Вербэна", "Миррелия", "Соловей", "Классические розы", "Адриатика", "Медальоны", автобиографические поэмы "Роса оранжевого часа", "Колокола собора чувств", роман в стихах "Рояль Леандра" и другие. Издавались они на собственные средства и расходились с трудом.

Ради заработка устраивались поэтические вечера в городах Прибалтики и Западной Европы, куда он выезжал с женой Фелиссой Круут.

Наиболее трудными были последние годы жизни Игоря Северянина, начиная с 1935-го. Тоска по родине, материальные трудности, болезни все более одолевали поэта.

В мыслях о России он все чаще обращался к Череповецкой земле, к родной Суде, где прошли счастливые годы его жизни.

Шексна моя, и Ягорба,
И Суда...

Вас повидать опять —

Мое желанье,

Непобеждаемое, как весна...

Умер Игорь Северянин 20 декабря 1941 года в Таллинне.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

КЛАССИЧЕСКИЕ РОЗЫ

В те времена, когда роились грезы
В сердцах людей, прозрачны и ясны,
Как хороши, как свежи были розы
Моей любви, и славы, и весны!

Прошли лета, и всюду льются слезы...
Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...
Как хороши, как свежи ныне розы
Воспоминаний о минувшем дне!

Но дни идут — уже стихают грозы,
Вернуться в дом Россия ищет троп...
Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

ЗАПЕВКА

О России петь — что стремиться в храм
По лесным горам, полевым коврам...

О России петь — что весну встречать,
Что невесту ждать, что утешить мать...

О России петь — что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным быть!

ПРЕДВОСКРЕСЬЕ

На восток, туда, к горам Урала,
Разбросалась странная страна,
Что не раз, казалось, умирала, —
Как любовь, как солнце, как весна.

И когда народ смолкал сурово
И, осиротелый, слеп от слез,
Божьей волей воскресала снова, —
Как весна, как солнце, как Христос!

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ

Ты потерял свою Россию.
Противоставил ли стихию
Добра стихии мрачной зла?
Нет? Так умолкни: увела
Тебя судьба не без причины
В края неласковой чужбины.
Что толку охать и тужить —
Россию нужно заслужить!